

Г. Гайлите

МЕДВЕДЬ И ЛАТВИЯ: ОБРАЗЫ ЛАТЫШСКО – РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КАРИКАТУРЕ

В современной латвийской культуре, будь то политическая риторика или сатирическая графика, образ России как медведя представлен широко. Как показывают исследования последних лет, это относится и к латышским, и русскоязычным СМИ [3; 10; 25]. При помощи образа медведя характеризуют и международную политику, внутреннюю политику восточного соседа, и характер политической системы, и особенности культуры и быта. В своем исследовании я сосредоточусь на вопросе о том, как карикатуристы при помощи данного образа репрезентируют взаимодействие между Латвией и Россией. Вначале я кратко охарактеризую роль карикатуры как фактора международной политики. Затем остановлюсь на образе медведя как такового в латышской культуре. Наконец, проанализирую, как медведь используется карикатуристами для репрезентаций двусторонних отношений в различные периоды истории.

Карикатура как фактор международной политики

В чем специфика карикатуры как фактора политики? Я бы выделила два аспекта: собственно художественный и социологический. Прежде всего, карикатура обладает особыми возможностями в плане производства ирреального мира. Термин «карикатура» происходит от итальянского *caricare* — исказить, деформировать. Сама возможность «исказить» предоставляет художнику значительную изобразительную свободу: он может нарисовать нос или руку любой длины и формы, представить животного в образе человека, а Россию — в виде медведя. Окарикатуривая события, искажая их, художник может заострять одни черты культуры и затушевывать другие. Особое значение способность карикатуры к гиперболизации приобретает в процессах национальной идентификации. В частности, в сборнике «Images of the Other in Ethnic Caricatures of Central and Eastern Europe» показано, что карикатура является эффективным средством производства и поддержания национальных авто— и гетеростереотипов как важного элемента этнической и национальной идентичности [16]. Что касается второго аспекта, то в отличие от других форм визуализации (например, живописи или кино), произведения карикатуристов распространяются широко и оперативно, а их «потребление» не требует специальной подготовки, а нередко и знания языка [22]. Эти обстоятельства и объясняют в целом

широкое использование карикатуры в международной политике, особенно в тех случаях, когда отношения между странами развиваются с определенными сложностями.

Образ медведя в латышской культуре

Роль основного Чужого латышской идентичности выполняли немцы — по крайней мере, до революции 1905 года¹. Образ русских занял важное место в латышской идентичности с конца XIX века, в условиях усиления политики русификации, но особенно после революции 1905 года [24, p. 100 – 103]. Русские воспринимались как опора царской власти, которая становится объектом непримиримой критики. Негативизм выражался при помощи таких образов, как, например, российский чиновник (и в этом случае используется внешность Константина Победоносцева) или жандарм [4, с. 161 – 177]: встречаем мы и такую аллегория страны, как Россия-Матушка [18, 1 pp. 44 – 46]. Однако медведя среди этих образов не было — между тем как в качестве символа России он используется в западной культуре с XV века, и к началу XX века в мировой карикатуре этот образ был очень широко распространен [6; 11; 14]. Как можно это объяснить? Вероятно, нужно принимать во внимание специфику образа медведя как такового в той или иной культуре. Обратим внимание на то, что медведь в латышской культуре, в отличие от большинства европейских культур, является, скорее, положительным персонажем [26]. Как известно, у многих народов медведь был сакральным животным в первобытную эпоху; вера в родство человека и медведя получила отражение, в частности, в легендах о женщине, вышедшей замуж за медведя, которые существуют в культуре разных народов от Северной Америки до Сибири [1, с. 72 – 73]. Родившийся в этом браке сын имеет не только человеческий облик и разум, но и сверхъестественную силу, источник которой — в его медвежьих ушах. Однако с течением времени отношение к медведю в большинстве европейских культур менялось, и его образ в христианской Европе носит в основном отрицательные черты, символизируя многие пороки и выступая иногда даже аллегорией дьявола [1]. В латышской же культуре благодаря, в первую очередь, эпосу «Лачплесис» этот сюжет не только не утратил своей привлекательности, но и стал важной частью национальной идентичности. Позитивная оценка медведя находит отражение и в том, что одним из самых светлых символов латышской культуры является *Laimes Lācis*, «медведь счастья», который во многом похож на птицу счастья в русской культуре. В качестве курьез-

Рис. 1

¹ Так, Дайна Эглитис цитирует латышские дайны, в которых немцы называются «дети сатаны» [17, p. 99].

ного случая использования этого образа в контексте двусторонних отношений упомяну карикатуру Агриса Лиепиньша (2000), на которой в облике «медведя счастья» показан... Владимир Путин; так карикатурист изобразил высокий уровень поддержки политика населением России: «Соседи снова привезли медведя счастья...» (Рис. 1).

Медведь и Латвия: первые образы

Как бы то ни было, в этих условиях медвежий символ не может в полной мере играть роль этноразличительного маркера, отделяя латышей от русских и от России. Возможно, по этой причине «русский медведь» на страницах латышских сатирических изданий периода Российской империи не встречается¹. Медведь как аллегория России появляется, по всей вероятности, только в карикатуре независимой Латвии — эпизодически, но, тем не менее, весьма показательно. Удалось обнаружить три рисунка с «русским медведем», которые были опубликованы в журнале «Skudra» в 1919 – 20 гг. В августе 1919 года, когда латвийское государство вело борьбу не только с Советской Россией, но и с остатками Российской Империи в лице Белого движения, появляется карикатура «Русский медведь и Латвийское яйцо». На ней изображен белый генерал в облике медведя и яйцо, на котором написано «Конституционное собрание». Белый медведь с горечью констатирует, что цыпленок уже готов появиться на свет, а он не может этому воспрепятствовать, так как болен «красной лихорадкой», то есть ослаблен гражданской войной (Рис. 2).

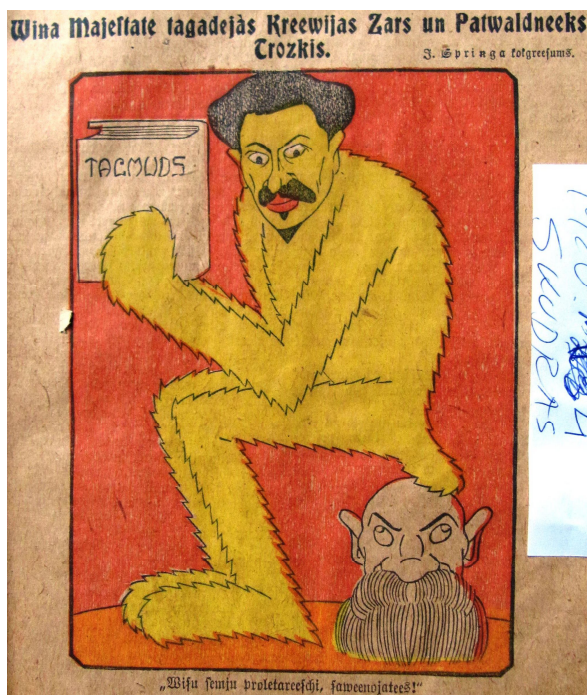

Рис. 4

Рис. 5

Другой пример, когда «медведь» в дискурсе войны за независимость позиционируется как враг латвийской государственности — изображение немецкого генерала фон дер Гольца, выдающего себя за «русского медведя» для обоснования собственных притязаний на Курземе (Рис. 3).

Наконец, в 1920 публикуется карикатура на Льва Троцкого. Очевидно, автор пытается выразить ироническое отношение к переменам в России, оттенить нелепость того, что происходит с ней, соединяя в одном рисунке несоединяемые вещи: Лев в облике Медведя. Эта парадоксальность подчеркивается и изображением Талмуда в руках Троцкого, которого художник изображает как наследника российских самодержцев (Рис. 4).

В межвоенный период российская тема эксплуатировалась латышскими карикатуристами очень активно. Советская Россия по-прежнему воспринималась как источник опасности для латвийского государства; это порождало недоверие и страх, что особенно очевидно в графике 1930-х гг. [4, с. 165 – 168]. Однако образ советского медведя, символизирующего эту опасность, почти не встречается — в отличие, например, от карикатуры межвоенной Польши или Эстонии, где образ советского медведя был достаточно распространен [6; 23].

«Советский медведь» и Латвия

Медведь превращается в устойчивый символ СССР лишь на рисунках художников-эмигрантов после начала Второй мировой войны. На карикатуре 1940 года художник изобразил известные события этого времени как нападение бурого медведя в буденовке на женщину

в национальном латышском костюме, занятую мирным сельскохозяйственным трудом. Женщина в данном случае — это Мать-Латвия (*Māte Latvija*), которая является самой популярной аллегорией страны в латышской визуальной культуре [19]. Рисунок озаглавлен так — «Краткий курс истории» (Рис. 5). Подчеркну, что в латышских карикатурах, посвященных двусторонним отношениям, традиционно Латвия представлена в женском облике, а Россия — в мужском [4]. В репрезентациях международных отношений, замечу, это достаточно распространенный прием, используемый для демонстрации собственного нравственного превосходства и миролюбия (и, напротив, агрессивности соперника) [12].

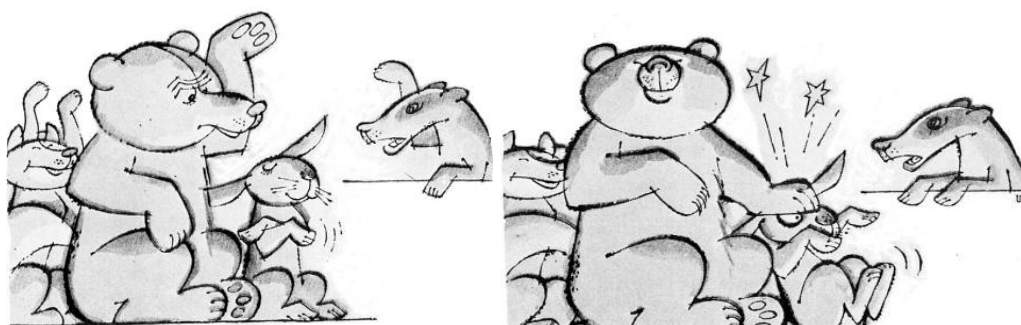

Рис. 6

В 1966 году другой художник показывает положение Латвии в составе СССР так. «Кто за то чтобы выбрать медведя — поднимите руку!», — гласит первый рисунок; «Опустите руку», — второй... (Рис. 6).

Очень заметным персонажем дискурса о России медведь становится с конца 1980—х годов. Одним из подвигов Лачплесиса была победа над медведем (собственно, его имя дословно означает «разрывающий медведя»), что нашло отражение, в частности, на постаменте монумента Свободы. Этот медведеборческий мотив мифа по понятным причинам был востребован в перестройку, в период борьбы за независимость, особенно подчеркнутый, как отметила Ирина Новикова, в популярной рок-опере того времени «Лачплесис». Исследовательница приводит пример из современного обсуждения этого произведения в интернете: «Сказки просто так не врут. Символом России является медведь, а символом Латвии — Лачплесис... Но в конце концов ЛАЧПЛЕСИС (какой молодец) одолел большого Медведя, и теперь Латвия свободна!» [10].

Карикатура 1989 года, опубликованная в период выборов депутатов к первому съезду народных депутатов СССР, которая проходила в условиях резкого подъема национальных движений в республиках Балтии. Русский медведь ошарашен тем, что улей, где он привык лакомиться медом, теперь охраняют разъяренные пчелы (которые окрашены в цвета националь-

ных флагов независимых Латвии, Литвы и Эстонии) (рис. 7). Очевидно, для автора было очень важно показать балтийскую солидарность, балтийскость, совместную решимость бороться за независимость. Вспомним, что 23 августа 1989 года, в 50-ю годовщину пакта Молотова — Риббентропа, состоялась акция «Балтийский путь», во время которой два миллиона человек из Эстонии, Латвии и Литвы взяли за руки, и живая цепь протянулась через территорию всей Прибалтики — от башни Длинный Герман в Таллинне до башни Гедимина в Вильнюсе.

Рис. 7

Медведь и Латвия в современной карикатуре

В 1990-х годах медведь используется уже для обозначения постсоветской России. Он нередко выглядит достаточно жалким, но в то же время служит для обозначения опасности со стороны постсоветской России. На рисунке 1994 года президент Борис Ельцин с трудом удерживает от перехода границы голодного зверя, который здесь выступает аллегорией неуправляемой, злобной, все разрушающей силы.

Рис. 8

С конца 1990-х годов медведь становится распространенным символом соседней державы и часто фигурирует на рисунках, посвященных латвийско-российским отношениям. Рассмотрим основные функции изображения России в медвежьем облике.

Одной из функций является мобилизация соответствующих ассоциаций — размер, сила, агрессия, империализм, жестокость. В частности, он призван напомнить о необходимости проявлять бдительность. Обходительный медведь пришел к Латвии с подарком, однако мудрая кошка напоминает растаявшей хозяйке: «говоря словами писателя, если бы я хотел завоевать кого-то, то пришел бы как друг». Иными словами, примирительная риторика «медведя» вовне не гарантирует, что изменилась его звериная сущность (рис. 9).

Рис. 10

Рис. 9

Другой пример: в августе 2013 года информационное агентство, в статье под названием «Немецкое издание: страны Балтии сегодня трепещут перед “русским медведем”» поместило карикатуру, на которой Россия представлена в образе огромного страшного медведя, а Латвия, Литва и Эстония — как маленькие испуганные девочки [9] (рис. 10).

Кроме того, использование этой, животной, метафоры помогает поддерживать идентичность Латвии в качестве европейской страны, маркируя Россию как чуждую в цивилизационном отношении державу.

Эксплуатация образа медведя, который использовался для обозначения страны на протяжении нескольких веков, способствует репрезентациям Российской Федерации как очередного воплощения Российской империи и трактовки политики восточного соседа в данном фрейме. Примечательная карикатура, опубликованная в 1998 году, посвящена проблеме этнических меньшинств в Латвии. Медведь, символизирующий Россию, угрожающе заявляет Латвии, представленной в образе маленького зайчика: «Сейчас я научу тебя уважать права человека». Комичность ситуации, ставящая под сомнение его способность выступать защитником таких прав, не только в том, что у его ног — груда человеческих черепов, но и в том, что он не человек. Дегуманизация России при помощи медвежьей метафоры, очевидно, делегитимирует ее, и не только в данном вопросе. Подчеркну и то обстоятельство, что двуглавый орел, помещенный на одежду медведя, способствует тому, что постсоветская Российская Федерация объявляется ответственной за политику в отношении Латвии не только СССР, но и Российской империи (рис. 11). Ту же функцию нередко выполняет и включение в карикатуры персонажей исторического прошлого России, будь то средневековые витязи или бояре эпохи Ивана Грозного; изображается в древнерусской одежде и медведь [3].

Рис. 11

Рис. 12

Наконец, медвежья метафора оказывает влияние на репрезентации межэтнических отношений в латвийском обществе: в образе медведей представлены русскоязычные жители Латвии. Карикатура 2010 года, посвященная итогам парламентских выборов, на которых движение ЗаПЧЕЛ, позиционирующее себя в качестве защитника прав русскоязычного населения, потерпело поражение и не попало в Сейм. Здесь эти политики представлены в образе

пчел, которые находятся на содержании русского медведя: «Все мои пчелы улетели! Выходит, зря я их подкармливал сахаром?» (Рис. 12). Один из журналистов так прокомментировал относительную неудачу русскоязычной партии «Центр согласия»: «... ясно, что русский медведь не ушел в спячку — он просто притаился и ждёт своего часа» [20].

Как к образу «русского медведя» относятся в русскоязычных СМИ Латвии? Первая тенденция заключается в том, что «русский медведь» объявляется инструментом, который недобросовестные политики используют для запугивания латышских избирателей [7].

Другая тенденция наиболее полное выражение получила во время «русского марша», состоявшегося в 2007 году в Риге. Его организаторы в качестве эмблемы избрали образ вооруженного до зубов раненого медведя (Рис. 13). Необходимо отметить, что такая эмблема вызвала неприятие у многих русских. Так, например, один обозреватель пишет, что «это одна из самых грязных провокаций, направленных против русской общины Латвии за последние годы... И этот то ли полупьяный, то ли с похмелья медведь, перепоясанный пулеметными лентами и с гранатой в руке — символ русского? Да это мечта отморозенного латышского ультранационалиста» [5].

Рис. 13

Рис. 14

Наконец, еще одна тенденция проявилась в ходе кампании по поводу референдума о статусе русского языка. Его организаторы выпустили телевизионный ролик, в котором в образе медведя представлены те русские, которые выступают за интеграцию русскоязычных в латышское общество (они названы в ролике «интеграстами»). Особенностью этого медведя является то, что он наделен качествами, которые ему приписывались в советских мультфильмах — то есть добродушием и глуповатостью. Он верит в возможность интеграции, строит «общий дом Латвию», а между тем над ним издеваются латышские националисты, представленные в ролике в виде собак — «мосек». Ролик фактически призывает русских перестать быть

такими медведями, отказаться от доверчивости и строить Латвию как страну, состоящую из двух изолированных общин [8].

В заключение несколько слов о том, как медвежья метафора используется карикатуристами при характеристике латвийско-российских отношений за пределами Латвии. В визуальной культуре современной России образ «русского медведя» получает позитивные коннотации, помогая обоснования внешней политики страны: огромная, сильная, но миролюбивая – как, например, на фотоколлаже А. Дорофеева из газеты «Аргументы и факты» (2005) «Русский ‘мишка’ добрый, но сколько можно его обижать?» (Рис. 14). Он сопровождает материалы, посвященные «антироссийской политике» правительств Грузии и стран Балтии [13].

Таким образом, медвежья метафора России является важным фактором отношений между двумя народами, использование которой имеет давнюю историю. В целом при помощи образа медведя оживают негативные стереотипы о России. Очевидно, на это обстоятельство хотел обратить внимание посол Российской Федерации Александр Вешняков, когда в июне 2013 года заявил: «Россия хочет использовать мягкую силу, создавать положительный образ. Мы не хотим, чтобы нас воспринимали с подачи различных русофобов как страшного медведя, который в любой момент может цапнуть кого угодно и непонятно за что» [2].

Список литературы и источников

1. Бидер Р. Медведь. — М.: United Press, 2011. — 239 с.
2. Вешняков А. А. Мягкая сила лучше, чем страшный медведь // Открытый город. — 2013. — № 6 <http://www.latvia.mid.ru/int.html>
3. Гайлите Г. «Русский медведь» в истории латышской карикатуры // *Przegląd Rusycystyczny*. 2012. № 1–2. — S. 253 – 274.
4. Гайлите Г. Смех и слезы: образ России и русских в латышской карикатуре (эскиз проблемы) // *Europe—Russia: Contexts, Discourses, Images / Novikova I. (Ed.)*. — Riga: LU DZSC — LEVIRA, 2011. — С. 161 – 176.
5. Казаков А. Кому в Латвии нужен русский марш? <http://pribalt.info/arhiv.php?month=9&news=29>
6. Лазари А. де, Рябов О.В. Русский медведь в польской сатирической графике межвоенного периода (1919—1939) // *Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИВГУ*. Вып. 2: Визуализация нации. — Иваново, 2008. — С. 162 – 182.

7. Лемешонокс Д. Старую песню не забыть // Delfi. 2011. 27 июля <http://rus.delfi.lv/news/daily/versions/dajnis—lemeshonoks—staruyu—pesnyu—ne—zabyt.d?id=39801795>
8. На повестке дня в Латвии — статус русского языка («EuroNews», Франция), <http://www.inosmi.ru/baltic/20111103/177053520.html>
9. Немецкое издание: страны Балтии сегодня трепещут перед «русским медведем» 30.07.2013 <http://www.ves.lv/article/248497>
10. Новикова И. В тени рейгановского зверя: «Расхристанный» медведь и «чужой» медвежонок в латвийском медиапространстве 1990–2000—х годов // «Русский медведь»: история, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. — М.: Новое литературное обозрение, 2012 — С. 190 – 207.
11. Россомахин А. А, Хрусталева Д. Г. Русская медведица, или Политика и похабство: Опыт расшифровки английской гравюры. — Санкт-Петербург: Красный матрос, 2007. — 67 с.
12. Рябов О. В. Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды // Женщина в российском обществе. — 2005. № 3 – 4. — С. 19 – 28.
13. Рябов О. В. Охота на медведя: о роли символов в политической борьбе // Неприкосновенный запас. 2009. № 1. — С. 195 – 211.
14. Хрусталева Д. Г. Происхождение «русского медведя» // Новое литературное обозрение. 2011. № 1. — С. 137 – 152.
15. Coupe W. A. Observations on a Theory of Political Caricature // Comparative Studies in Society and History. 1969. Vol. 11. №. 1. — P. 79 – 95.
16. Demski D., Baraniecka-Olszewska K (Eds.). Images of the Other in Ethnic Caricatures of Central and Eastern Europe. — Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences, 2010. — 400 p.
17. Eglitis D. S. Imagining the Nation. History, Modernity, and Revolution in Latvia. — University Park: Pennsylvania State University Press, 2002. — 265 p.
18. Gailīte G. Latviešu karikatūra XIX gs. beigās XX gs. sākumā kā nacionālās identitātes veidošanās un attīstības faktors // Letonica. 2012. № 2. — lpp. 25 – 52.
19. Gailite G. «Mother Latvia» in Constructing Self and Other: A Case of Latvian Caricature XIX c. — 1940 // Demski D., Kristóf I. Sz., Baraniecka—Olszewwka K. (Eds.). Competing Eyes: Visual Encounters with Alterity in Central and Eastern Europe. — Budapest: l'Harmattan, 2013 (forthcoming).
20. Jākobsons E. Saskaņas Centra neglītās grimases. 28—02—2011 <http://www.laikmetazimes.lv/2011/02/28/saskanas—centra—neglitas—grimases/#more—4830>

21. Kreicbergs J. Atmiņas par Krišjāni Valdemāru. — Rīga, 1925. — 13 lpp.

22. Kris E., Gombrich E. H. The principles of caricature // *British Journal of Medical Psychology*. 1938. № 17. — p. 319 – 342.

23. Laineste L. The Frighteningly Funny Foreigner: Caricatures of the Other in Estonian Interwar Public Discourse // Demski D., Baraniecka—Olszewska K. (Eds.). *Images of the Other in Ethnic Caricatures of Central and Eastern Europe*. Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences, 2010. — P. 92 – 121.

24. Plakans A. *The Latvians: a short history*. — Hoover Institution Press, 1995. — 257 p.

25. Procevska O. The Bear, the Eagle, and the Hair Hand: Metaphorization of Russia in Latvian Press // *Europe – Russia: Contexts, Discourses, Images* / Novikova I. (ed.). — Rīga: LU DZSC – LEVIRA, 2011. — P. 177 – 187.

26. Ruņģe V. Tautas pasakas, Kurbads un Lāčplēsis // *Jaunā Gaita*. — 1983. № 144 (3).
http://zagarins.net/jg/jg146/JG146_Valija_Runge.htm

27. Šmits P. *Latviešu mitoloģija*. — Rīga: Valters un Rapa, 1926. — 151 lpp.

Иллюстрации

Рис. 1. Liepiņš A. Bez nosaukuma (*Dienas Bizness*. 28.03.2000).

Рис. 2. Sprīņģis J. Krievijas lācis un Latvijas ola (*Skudra*. 1919. № 3).

Рис. 3. Sprīņģis J. Stāvoklis Kurzemē (*Skudra*. 1919. № 8).

Рис. 4. Sprīņģis J. Viņa majestāte tagadējais Cars un patvaldnieks Trockis (*Skudra*. 1920. №.4).

Рис. 5. Birzgalis R. Vēstures īsais kurss (Tēvija. 1941. 10.11.).

Рис. 6. Mežavilks U. Bez nosaukuma (*Dadzis*. 1966. № 18).
http://zagarins.net/jg/jg70/JG70_Pelecis2.htm

Рис. 7. Sergijenko T. Bez nosaukuma (*Dadzis*. 1989 № 20)

Рис. 8. Mežavilks U. Bez nosaukuma (*Dadzis*. 1994. № 4.).

Рис. 9. Liepiņš A. Bez nosaukuma (http://www.city24.lv/lv_infoblock/city24_infoblock.php).

Рис. 10. Без автора. Bez nosaukuma ([9]).

Рис. 11. Liepiņš A. Bez nosaukuma (*Dienas Bizness*. 25.03.1998).

Рис. 12. Ošs Ē. Bez nosaukuma (*Lauku Avīze*. 30.10.2010).

Рис. 13. <Русский марш> (www.lndp.lv).

Рис. 14. Дорофеев А. Русский «мишка» добрый, но сколько можно его обижать? (*Аргументы и факты*. 2005. № 20).